

Эммануил КАМИНКА,
заслуженный артист РСФСР

С Л О В О З В У Ч А Щ Е Е

ПИСАТЕЛЬ. Я очень рад, что нам представилась возможность продолжить наш разговор о художественном чтении. Это искусство — неисчерпаемый родник, живительную влагу которого единожды испив, постоянно испытываешь все большую жажду. В прошлой беседе мы говорили о роли чтеца в пропаганде художественной литературы. Звучащая литература! Это оружие не только чтецов. Им пользуются педагоги, лекторы, агитаторы... Художественная литература — проводник идей коммунизма. Естественно, в связи с этим возникает необходимость еще больше использовать звучащее слово как способ непосредственного и эмоционального воздействия на слушателей. Но... это тонкое и трудное искусство.

ЧТЕЦ. Так в чем же дело? У вас при Союзе писателей имеется бюро пропаганды, которое устраивает литературные вечера, читательские конференции, встречи с писателями... Бюро проводит серьезную работу. Читатели очень любят такие встречи. Вы помните слова Анатолия Васильевича Луначарского, сказанные им на открытии института живого слова?

«Я совершенно убежден, что целая бездна художественных наслаждений, психологических глубин, сокровенных красот, выяснится перед той культурой, которая будет культурой звучащей литературы, когда поэты, как древние трубадуры, будут петь свои произведения, когда вновь написанные повести или романы будут читаться на народных празднествах при множестве людей» (везде подчеркнуто мною. — Эм. К.).

Заметьте, Луначарский говорил это в 1918 году. Мог ли он тогда даже приблизительно представить себе, какой широкий размах примет искусство звучащего слова в наши дни? Точно так же, как и Маяковский, в котором совмещался величайший талант поэта с талантом блестящего и неповторимого исполнителя своих произведений, читавшего действительно «при множестве людей» — в переполненных аудиториях и «на народных празднествах». Помните его утверждение: «Революция дала слышимое слово, слышимую поэзию!»

ПИСАТЕЛЬ. Вы знаете, я имел возможность неоднократно слышать его выступления. Как он изумительно читал! Вы меня простите, но каких только исполнителей стихов Маяковского я потом ни слышал, никто так не читал и не читает Маяковского, как читал сам Маяковский.

ЧТЕЦ. Позвольте с вами не согласиться! Есть чтецы, которые, по общему признанию, очень хорошо читают стихи, поэмы и, что особенно трудно, даже пьесы

Начало диалога писателя и чтеца см. в «Литературной России», № 32.

Маяковского. Но... читают, конечно, по-своему...

ПИСАТЕЛЬ. Нет, это все-таки не то, не то... Маяковский очень органично, в свойственной только ему одному манере доносил необычайно ярко и четко идею и мысль своих произведений. А как у него весомо звучало каждое слово! Как он чеканил ритм своих стихов! Какой у него был голос! Какая дикция! Притом он очень умело владел аудиторией! Даже когда говорил тихо, его было слышно в самых последних рядах балкона Большого зала Политехнического музея. У него был природный талант чтеца-трибуна.

ЧТЕЦ. Это бесспорно! К сожалению, немногие поэты так хорошо читают свои стихи.

ПИСАТЕЛЬ. А я думаю, что все-таки поэты читают свои стихи лучше чтецов.

ЧТЕЦ. Это спорный вопрос.

ПИСАТЕЛЬ. Я слышал выступления Сергея Есенина, Владимира Луговского, Иосифа Уткина... Могли назвать вам очень многих ныне здравствующих поэтов, прекрасно читающих свои стихи. Возьмите хотя бы выступления Александра Твардовского, читавшего по радио свою новую поэму «Теркин на том свете!» Как это было просто, естественно, мягко и выразительно!

ЧТЕЦ. Жаль только, что такой исключительный поэт и в то же время прекрасный чтец так редко выступает.

ПИСАТЕЛЬ. А возьмите другого нашего известного поэта Илью Сельвинского! Может ли кто-нибудь из чтецов так прочитать с эстрады Сельвинского, как это делает он сам? Известно ли вам, что на проходившем в Москве в 1933 году творческом смотре чтецов и поэтов «За культуру слова» Илья Сельвинский занял одно из первых мест наряду с такими мастерами, как Качалов, Яхонтов, Шварц и другие?

ЧТЕЦ. Все это я знаю... Но наряду с такими поэтами, которые прекрасно читают собственные произведения, есть такие, что «поют» свои стихи, а кое-кто даже «завывает». Мысль в таких случаях

теряется, а однотонность исполнения быстро надоедает. Публика предпочитает простоту и естественность исполнения.

ПИСАТЕЛЬ. Во всяком случае, такие поэты встречаются редко. Подавляющее же большинство наших современных советских поэтов придерживается в основном реалистической манеры чтения. Конечно, у каждого поэта своя индивидуальность — это вполне естественно. И пусть у нас будет не только побольше «поэтов хороших и разных», но и побольше хороших и разных исполнителей поэзии. В результате выиграет наша советская культура. Не так ли?

ЧТЕЦ. Советская поэзия переживает сейчас необычайный расцвет. Поэты выступают не только в лучших концертных залах Москвы и других городов Советского Союза, не только в цехах фабрик и заводов, в колхозах, но и на многотысячной аудитории в Лужниках, для миллионной аудитории радиослушателей и телезрителей. Голоса поэтов записываются на грамофонные пластинки. Наряду со старшим поколением выступает много молодых талантливых поэтов. Но, к сожалению, у некоторых нет хорошей дикции, глуховатые голоса, нет самых простейших знаний основ эстрадного выступления. Может быть, следовало подумать о том, чтобы выделить некоторое количество часов в Литературном институте для занятий искусством звучащего слова.

ПИСАТЕЛЬ (улыбаясь). Вы что же хотите, чтобы писатели умели не только писать, но и стали мастерами художественного чтения? Может быть, даже и лауреатами конкурсов?

ЧТЕЦ. А почему бы и нет? Конечно, это не так просто, но почему не приобрести хотя бы элементарные навыки исполнительского мастерства! Я агитирую за то, чтобы выступления наших писателей на литературных вечерах и читательских конференциях были более яркими, интересными не только по содержанию, но и по форме подачи материала.

ПИСАТЕЛЬ. Да, научиться хорошо исполнять свои произведения в больших аудиториях — заманчивая перспектива!

ЧТЕЦ. Представляете? Вот вы написали роман, повесть или рассказ и можете сами услышать, как это прозвучит, как это воспримет читатель «на слух»! Вы услышите, как разговаривают ваши герои, услышите, как звучит описание природы, услышите реакцию зала на юмористические места, наконец, услышите, каким языком вы написали свое произведение: живым, человеческим или мертвым, канцелярским... Впрочем, что я вам об этом говорю! Ведь вы, наверно, не раз выступали на литературных вечерах? И не безуспешно? Признайтесь!

ПИСАТЕЛЬ. Я не умею выступать... Не умею читать свою прозу... На читательских конференциях я обычно рассказываю о том, как собирался материал, как создавалось произведение, стараюсь внимательно слушать критику читателей, спорю с ними, доказываю... А когда меня просят что-нибудь прочитать, я ссылаюсь на то, что я не «мастер художественного чтения», пусть сами читают. Но вот недавно... Это вы виноваты!.. После нашей беседы... Вы так заинтересовали меня искусством звучащего слова, что я подумал: чем черт не шутит! Может быть, и я не хуже других прочту!

ЧТЕЦ. Ну и что же? Какое у вас было ощущение?

ПИСАТЕЛЬ. Откровенно говоря, препоганное... Волновался я, как ученик на первом экзамене. Голос у меня оказался глухой, хриплый... Я бледнел, краснел, запинался, путал текст... В общем, провалился, оскандалился...

ЧТЕЦ (смеется). Это с непривычки. Надо еще раз попробовать.

ПИСАТЕЛЬ. Нет уж, благодарю покорно. Мое выступление оказалось похожим на один рассказ Викентия Викентьевича Вересаева. Вы не читали? Он опубликован в 4-м томе собрания сочинений. Ему пришлось как-то выступать в актовом зале университета. Читал он свой рассказ из русско-японской войны «В мышеловке». Вместе с ним выступали в тот вечер Бунин и другие. «Читал я в то время», — рассказывает Вересаев, — очень плохо, голос у меня не был поставлен, я не умел его приноравливать к акустическим условиям помещения, дикция была плохая. А акустика актового зала была очень важная.

Начал я читать. Как я потом узнал, ничего в моем чтении нельзя было разоб- рать, слышно было только:

Бу-бу-бу-бу...

Когда я поднимал глаза, я видел мучительно вслушивающиеся лица, ладони, приставленные к ушам. Потеряв надежду что-нибудь услышать, слушатели стали потихоньку разговаривать». Далее писатель продолжает: «Когда я дошел до то-

25 ИЮНЬ 1963

г. МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ

го места, где один из действующих лиц рассказа — солдат зацепил прикладом за котелок, и ротный грозно зашипел: «Тише, вы, черти!», — разговаривающие испуганно взглянули на него и сконфуженно замолчали.

И опять потекло ровное, томительное бу-бу-бу-бу, гулко отражаемое гладкими стенами зала. Минут двадцать тянулось чтение. Слушатели окончательно потеряли терпение. Потихонечку, один за другим стали они подниматься и на цыпочках, балансируя руками, выходили из зала. В это время подошло место, где младший офицер властным голосом крикнул:

— Куда поперли? По местам!

Выходившие так и замерли, — заканчивает Вересаев.

(Чтец и писатель оба хохочут).

ЧТЕЦ. Я могу назвать вам писателя-прозаика и драматурга, который был блестящим чтецом.

ПИСАТЕЛЬ. Я знаю. Вы сейчас скажете: Гоголь.

ЧТЕЦ. Да. Гоголь.

ПИСАТЕЛЬ. Николай Васильевич был гениальным чтецом. Хорошо известно, как он потрясающе читал своего «Ревизора», «Женитьбу», свои повести...

ЧТЕЦ. И Достоевский замечательно читал...

ПИСАТЕЛЬ. И это всем известно. Но это были единицы, понимаете, единицы!

ЧТЕЦ. В то время это были единицы, а в наши дни, когда литература стала достоянием миллионов, выступления писателей могут и должны стать массовыми. Помните высказывание того же Гоголя? «Я даже думаю, что публичные чтения со временем заменят у нас спектакли. ...Но, разумеется, нужно, чтобы самое чтение произведено было таким чтецом, который способен передать всякую неуловимую черту того, что читает...»

ПИСАТЕЛЬ. Говоря об искусных чтецах, Гоголь имел в виду... явно не меня. И потом Гоголь, Пушкин, Крылов и другие писатели XIX века читали в очень узком кругу литературных салонов... А тут попробуй, выйди да почитай-ка в каком-нибудь дворце культуры или концертном зале, где сидят тысячи слушателей.

ЧТЕЦ. Вспомните, как владел искусством звучащего слова Алексей Николаевич Толстой!

ПИСАТЕЛЬ. Он даже играл на сцене. Да, да! Выступал как актер в некоторых своих пьесах, которые он, кстати, замечательно читал, изображая все персонажи.

ЧТЕЦ. Это не так просто и легко — читать свою пьесу перед собранием опытных актеров.

ПИСАТЕЛЬ. Хорошо это делал Алексей

Максимович Горький... Но о том, как он читал свои пьесы, повести и рассказы, — разговор особый. К этому мы еще вернемся. Это большая и интересная тема.

ЧТЕЦ. А вот мне приходилось довольно часто слышать, как Толстой читал свои повести и романы. В 1942 году Алексей Николаевич был в эвакуации в Ташкенте. Ему предложили дать несколько литературных вечеров в оперном театре и клубах города. Я жил тогда временно с семьей тоже в Ташкенте, и Алексей Николаевич пригласил меня принять участие в его вечерах. Мне было предложено читать в первом отделении большой отрывок из третьей части трилогии «Хождение по мукам». (Он посоветовал мне, как смонтировать этот отрывок, и в процессе работы лично внес некоторые дополнения и исправления в композицию), а сам он должен был читать во втором отделении отрывки из «Петра Первого». Ну что вам сказать? Эти творческие вечера Толстого, я уверен, никогда не изгладятся из памяти тех, кто присутствовал на них. Алексей Николаевич садился в кресло, раскрывал книгу и начинал читать, вернее рассказывать, причем очень непосредственно, просто, как бы беседуя со слушателями. Голос у него был сочный, очень приятного тембра, с четкой природной дикцией, с хорошим русским несколько певучим произношением. Читал он поистине мастерски.

ПИСАТЕЛЬ. Я тоже много раз слышал выступления Алексея Николаевича Толстого и всегда поражался его яркому, сочному, полнокровному исполнению.

ЧТЕЦ. Он заставлял совершенно забывать о том, что перед вами писатель Алексей Толстой, заслоняя собственную особу читаемой вещью. Забывалось все: и то, что он сидит у стола, в кресле, и что во время чтения отрывается на мгновение, чтобы выпить глоток чая, и что заглядывает в книгу. И чем больше забывали о нем, в то время, когда он читал, тем сильнее и более шумно вспоминали о нем, когда он заканчивал свое выступление. Видите, как писатели умеют сами читать?

ПИСАТЕЛЬ. Так это же Алексей Николаевич Толстой!

ЧТЕЦ. Я напомню вам и о других писателях, которые прекрасно читали! Как жаль, например, что мы не можем услышать голоса таких «мастеров художественного чтения», как Диккенс, Марк Твен и Шолом-Алейхем!

ПИСАТЕЛЬ. О, да! Судя по дошедшим до нас сведениям, эти писатели выступали, как чтецы-профессионалы.

ЧТЕЦ. Они давали целые литературные вечера, как это делают современные чтецы-мастера. Только в те годы это называлось «лекциями».

ПИСАТЕЛЬ. И они разъезжали с этими «лекциями» по многим городам и собирали полные сборы.

ЧТЕЦ. Еще бы! Интерес к выступлениям писателей во все времена был велик. Недавно я прочел о том, как читал, например, Диккенс. Иван Сергеевич Тургенев писал из Парижа своему приятелю Анненкову: «Я присутствовал на трех чтениях Диккенса и пришел в совершенно телачий восторг. Какая веселость, сила, грация и глубина!»

А Боткин, знаток искусства, близкий друг Белинского, Некрасова и Тургенева, так писал о выступлении Диккенса: «Сократив свой роман «Дэвид Копперфильд» на шесть глав, сосредоточив его на главных сценах, Диккенс запомнил его наизусть и рассказал публике, как рассказывает какое-нибудь происшествие, а книжку держал в руках, ни разу не заглядывая в нее. Насколько мне известно, у нас считаются мастерскими чтецами г. г. Островский и Писемский, — пишет В. Боткин далее. — Но литературная память нашего времени не знает ни одного романиста, на чтеция которого публика стекалась бы тысячами.

Диккенс — величайший мастер. После каждой патетической сцены следовала комическая, так что внимание слушателей постоянно поддерживалось разнообразием и противоположностью ощущений.

Нельзя себе представить, как свободно переходит Диккенс от комических сцен к патетическим и обратно. Это ему так же легко, как пианисту переходить из одного тона в другой...»

ПИСАТЕЛЬ. Как это интересно!

ЧТЕЦ. А Марк Твен? Его выступления тоже проходили с шумным успехом. Вокруг него всегда вертелись многочисленные импресарио, соблазнявшие его крупными гонорарами. Он много разъезжал по городам Америки и Англии. В таких поездках писатель встречался с разными людьми, наблюдал жизнь, записывал бесконечное количество курьезов, которые встречаются в повседневной жизни. Впоследствии собранный материал служил ему темами для рассказов и устных выступлений. В отличие от других, Марк Твен расхаживал по сцене, часто обращался с вопросами к публике, включая ее как партнера в действие, сам очень живо реагировал на свои же остроты... Перечитай некоторые рассказы Марка Твена, а также интересную книжку М. Мендельсона, написанную о Марке Твене, и вы убедитесь, какие золотоносные жилы, какие творческие клады он находил во время своих гастрольных поездок.

Много рассказывали мне о выступлениях Шолом-Алейхема его жена, брат и Е. Б. Галантер, ныне директор Большого

зала консерватории, а в давние годы уполномоченный Шолом-Алейхема. Писатель скромно выходил на сцену, садился за столик, протирал пенсне, раскрывал книгу и с серьезным, невозмутимым лицом начинал читать, лишь изредка отрывая глаза от текста, чтобы взглянуть в зал и определить, как слушатели воспринимают то или иное место. Переполненный зрительный зал замирал в трогательных местах или покатывался от взрывов хохота, и тогда лицо Шолом-Алейхема озарялось мягкой и нежной улыбкой. Реакция публики доставляла ему большое творческое удовлетворение. Он был полон благодарности своему народу, смех и слезы, горе и радость которого он так хорошо знал и чувствовал и с которым жил одной общей жизнью.

ПИСАТЕЛЬ. Все, о чем мы с вами беседовали, убедительно говорит: нашим братьям писателям нужно чаще выступать.

ЧТЕЦ. Несомненно. Разве это не замечательно, что Ираклий Андроников выступает со своими устными рассказами по радио, по телевидению, в Концертном зале имени Чайковского, в Доме ученых, в Библиотеке имени Ленина? Его можно видеть и слышать в Москве, Ленинграде и других городах Советского Союза. Разумеется, это не так легко и не все еще могут мастерски читать. Но что из того? Это не должно никого останавливать. При большой настойчивости можно, хотя бы и в минимальной степени, освоить элементарные приемы искусства звучащего слова. А более близкое общение с чтецами, более частое посещение наших литературных концертов может заинтересованным писателям кое-что подсказать, на что-то натолкнуть. Поэты в этом смысле более активны, чем прозаики. Нельзя, однако, не отдать должное нашим сатирикам, которые выступают довольно часто и отлично читают свои рассказы везде и всюду. Читателям хорошо известны имена С. Михалкова, Б. Ласкина, Л. Ленча, В. Ардова, В. Полякова, М. Эделя, Ю. Благова, Н. Лабковского и других. Эти писатели и сами читают свои произведения, и постоянно пополняют репертуар чтецов — профессионалов и самодельных.

**

Литература стала повседневной духовной пищей советского человека. Писатели и чтецы находятся в одном эшелоне бойцов культурного фронта. На нас возложена громадная ответственность. Мы должны и мы сможем совместными усилиями добиться, чтобы возможно лучше и наиболее разнообразными приемами удовлетворить растущие потребности и ненасытную жажду миллионов людей к живому, художественному, звучащему слову.